

УДК 8; 821.161.1

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В РОМАНАХ А. ИЛИЧЕВСКОГО

Безрукавая М.В.

Кубанский социально-экономический институт, Россия, Краснодар, e-mail: ya-ksei@yandex.ru

В данной статье речь пойдет о концепции личности в романах А. Иличевского: «Перс», «Математик», «Анархист». Главные герои данных романов всегда одержимы какой-либо идеей, они всегда ищут, они беспокойны, они в процессе развития и разрешения внутреннего конфликта и узла. Проанализировав романную жизнь главных героев, в статье предоставлены тезисы, характеризующие общее пространство архетипа личности, импонирующие А. Иличевскому. Предоставлен анализ личности главных героев Ильи Дубнова из «Перса», Максима Покровского из «Математика», Петра Соломина из «Анархистов». В статье показан общий портрет главного героя, опираясь на все три романа. В данной статье женским образом уделено немалое значение. Женщины в романах Иличевского холодны, болезненно эгоцентричны и не могут спасти мужчин.

Ключевые слова: архетип личности, амбивалентный конфликт, концепция личности, герой, религия, любовь, анархизм.

CONCEPT OF PERSONALITY IN A.ILICHEVSKIY'S NOVELS

Bezrukavaya M.V.

Kuban socio-economic institute, Russia, Krasnodar, e-mail: ya-ksei@yandex.ru

This article focuses on the concept of personality in A. Iliechvskiy's novels, such as "Persian", "Mathematics", "Anarchist." The protagonists of these novels are always obsessed with an idea, they are always looking for, they are restless, they are in the process of development and resolution the internal conflict and host. After analyzing the protagonists' novel life in article we can see some abstracts describing common space of archetype personality impresses A. Iliechvskiy. We can see deep analysis of the protagonists such as Ilya Dubnovin "Persian", Maxim Pokrovskiyin "Mathematics", Peter Solominin "Anarchists". The article shows a general portrait of the main character, based on all three novels. In this article, female characters play great role too. Women in Iliechvskiy's novels are cold, painfully self-centered and cannot save their men.

Keywords: personality archetype, ambivalent conflict, the concept of personality, character, religion, love, anarchism.

В литературоведении и критике неоднократно было замечено, что в романах А. Иличевского присутствует желание воссоздать один тип сюжета и характер, который переходит из текста в текст, меняет контексты, дизайн, но не свою сущность. Обозревая романную жизнь главных героев (Ильи Дубнова из «Перса», Максима Покровского из «Математика», Петра Соломина из «Анархистов»), представим тезисы, характеризующие общее пространство архетипа личности, интересного А. Иличевскому.

Главный герой – мужчина среднего возраста или приближающийся к нему, стремящийся поменять свою жизнь, найти новые формы становления личности. Герои умны, хорошо образованы, их состоявшийся жизненный опыт – наука или бизнес. Они – жители мегаполисов, воспитанные урбанистической цивилизацией, но теперь их путь лежит к природным пространствам: к морю, в горы и лес, к пустынным равнинам. Открывающееся соответствие человека стихии/пространству/идеи – важный фактор явления личности в романах А. Иличевского. Каждый из героев несчастен в семейной жизни, по-своему брошен женщиной, находится вдали от своего ребенка. Одиноким мужчиной, утратившим женщину,

но приобретший новое мировоззрение, – частотная для А. Иличевского ситуация. Рядом с героем находятся друзья, не лишаящие его концептуального для автора внутреннего одиночества, но активно участвующие в создании атмосферы идейно-нравственного диалога. В силу обстоятельств и согласно собственным душевным установкам герои не просто размышляют о смерти, но оказываются перед необходимостью бороться с ней. В каждом романе героя сопровождает образ гения, готового представить миру новую религию, покорить самые недостижимые горные вершины, написать удивительный пейзаж. Амбивалентный уход от науки, от теоретического сознания предусматривает использование героем научного сознания для решения задач, близких к метафизическим. Правда, последний тезис более характерен для романов «Перс» и «Математик», нежели для романа «Анархисты».

В романах «Математик» и «Анархисты» значительную роль в формировании концепции человека играет измененное сознание, зависимость от алкоголя или наркотиков. Так, в «Анархистах» присутствие героиневой наркоманки Кати не только определяет судьбу главного героя Петра Соломина, но и становится платформой для большинства романских диалогов, организованных вокруг вопросов о том, надо или нет пытаться спасти обреченного человека, является ли само присутствие разрушаемой наркотиком женщины деструктивным фактором или может послужить консолидации людей, стремящихся к благу.

Максим Покровский, главный герой романа «Математик», – «лауреат крупнейшей в мире математической премии» [2, 8], но и «подвыпивший клоун, под гримом которого захоронен гений» [2, 177], брошенный женой, уставшей от бесконтактности мужа с обыденностью, с образами нормального, предсказуемого существования. К тому же Максим склонен экспериментировать с психоделическими веществами, а после ухода из дома отца и отъезда в Америку стала спиваться его мать.

Человек под воздействием веществ – знак близости смерти, своеобразного «антивоискресения». Одна из главных причин кризиса Покровского – осознание пустоты теоретического знания, науки, не ставящей гуманистических и метафизических задач. Герой «устал от математики», его начинают занимать «практические нужды человечества», он хочет «работать для воскрешения мертвых» и приступает к напряженному размышлению о «задаче воскрешения предков».

Многословные размышления о состоявшемся кризисе, поиск путей от теории к практике, вариантов взаимодействия науки и метафизики во многом определяют концепцию личности в романах А. Иличевского: «В свободное время Максим упорно думал о том, на что он потратил свою жизнь. Что ему вся эта математика? Достаточно ли будет его достижений, чтобы оправдаться перед Богом? А если Бога нет? Значит ли это, что

математика была приятным времяпровождением? Что так увлекло его в ней? Разве то, что он, стремясь к вершине, получал наслаждение, оправдывает его перед Вселенной, перед самим собой?» [2, 169]. Часто главный – бытийный – вопрос ставится в традициях риторики пафосного символизма: «Человек есть мост между Живым и Неживым, – думал Максим. – Как встать на защиту Моста?» [2, 170]. «В одном из горних снов ему приснилось, что математика есть теология», – значимая для А. Иличевского фраза [2, 171].

Таким образом, доминирующим предстает движение вверх: это касается и постепенного исцеления Максима Покровского от алкоголизма, о котором постоянно напоминает автор, и реализации идеи воскрешения мертвых. Реализации, разумеется, не практической, а символической, предусматривающей сочетание глобального замысла и «воскрешения» ближнего, спасения его от смерти. Максим чувствует насущную необходимость покорить вершины Тянь-Шаня: «Во взятии семитысячника он постепенно стал видеть окончательное освобождение от неясного тяжелого морока, который владел его существом последние годы. Он был уверен, что сможет сбросить его только на вершине» [2, 281]. Но поднимаясь, герой все чаще вспоминает мать, живущую в Москве, и возвращается к ней в итоговой сцене романа.

«Главная брешь в произведениях Иличевского – это герой. Создавая его, автор не пожелал начинать с нуля и пошел по наторенному маршруту своих прежних не вполне удачных поисков: детство на востоке (на сей раз это северный Кавказ), молодость в Штатах, множество неоправданных надежд, дефицит любви и счастья. Вообще, мотив утраченного чувства жизни проходит через произведения Иличевского лейтмотивом. Видимо, автор определил поиск этого чувства как свою главную художественную задачу», – считает В. Пасечник [6]. Критическая мысль автора данного высказывания понятна, но стоит обратить внимание на другое: А. Иличевский делает акцент не только на «дефиците счастья» и на «утраченном чувстве жизни», но и на активном преодолении умирания, зависимости от разрастающейся депрессии. Из трех рассматриваемых нами текстов именно в «Математике» тенденция относительно удачного поиска своего (и не только) спасения наиболее очевидна.

Все сложнее в романе «Анархисты». Бывший бизнесмен Петр Соломин, болезненно полюбивший Катю, не собирающуюся исправляться, больше связан с искусством, чем с наукой. В искусстве, по мнению героя, надо искать оправдание человечества: «Ибо ничто иное не способно перевесить антарктиду ледяного ужаса и боли, которые производят существование человеческого сознания и тела. (...) Он был уверен, что смысл жизни – в ее пустоте и быстротечности. А за всем этим – грозная вечность, в которой сгинуло множество поколений и сгинет еще, источая страх и морок» [1, 182-183].

В «Анархистах» авторская концепция личности несколько сложнее, чем в двух других рассматриваемых нами романах. Здесь – и это серьезное отличие от «Перса» и «Математика» – на видном месте оказываются межчеловеческие конфликты. Самый заметный – противостояние Соломина и врача Турчина, главного адепта анархизма как стиля человеческого существования.

Турчин – сильная личность, но рационалист и циник, знающий, что есть больные, способные исцелиться, и есть больные, обреченные умереть. По его мнению, Катя находится на такой стадии давно укоренившейся в ней наркомании, с которой возвращение просто невозможно. Свою позицию Турчин формулирует ясно, без наукообразия, обвиняя Соломина, что он не только рискует сам, но и ставит под удар всех окружающих, предоставляя возможность состояться опасному, хаотическому сюжету.

Косвенно опираясь на философию Ницше, Турчин буквально проповедует отсутствие жалости к тем, кого, по его мнению, вернуть к жизни уже нельзя. Для А. Иличевского важно, что Соломин – художник, а Турчин – врач: он готов признать ценность искусства для воспитания человека, но только в жанре портрета, а не в жанре пейзажа. Соломин – апологет пейзажной живописи, на взгляд врача, пустой и бесчеловечной. «Без человека природа слепа и бессмысленна», – высказывает свое мнение Турчин [1, 247].

Закономерно, что и религия оценивается Турчиным как нелепая, но влиятельная фантазия, способная отвлечь от насущного созидания и лишить здоровья. Кредо Турчина заключается в следующем тезисе: «Религия, как и всякая утопия, эксплуатирует жажду счастья» [1, 165]. Не теологические структуры, а интернет – прообраз структуры будущего общества, которое должно быть единым в диалоге, но свободным в волеизъявлении и строительстве каждой отдельной жизни. Сам Турчин, впрочем, не похож на человека, который дорожит свободой оппонента.

«В разум мы верим и науку, там Бога больше, чем в ритуалах», – эта фраза Турчина сближает его с автором романа [1, 375]. Кто ближе А. Иличевскому – Соломин или Турчин, чья личность больше соответствует концепции писателя? Оба героя погибают достаточно нелепо: Соломин, поддавшись желанию Кати исцелиться через прохождение по магическому подземному входу, лишается жизни от случайного взрыва; Турчин погибает в банке от еще более случайного выстрела грабителей. Мы считаем, что в «Анархистах» автор не имеет героя, который способен представить весь потенциал позитивного движения. Соломин слишком зависим от идеи смерти, от образов пессимизма и небытия. Турчин, наоборот, слишком не зависим от глубины, которую приносят мысли о смерти и спасении человека от небытия. Герои оказываются «на полюсах» авторской мысли и больше призывают к полемике, чем к согласию с их судьбой.

Другая ситуация в романе «Перс». Здесь два героя, вызывающие у автора неподдельный интерес: приехавший в места своего детства Илья Дубнов и его друг детства иранец Хашем, вывезенный матерью в Азербайджан в годы исламской революции. Пожалуй, Хашем – самый идеологически цельный, детализировано изображенный персонаж, который не только говорит о необходимости воскрешения всех мертвых, о единстве религии и науки, но и конкретизирует пути решения поставленных задач.

Хашем показан как маленький бог прикаспийского мира – бедный деньгами, богатый поклонниками, одинокий, лишенный семьи, но открытый всему миру, который пытается преобразовать. Харизматической роли не мешают ни горб, образовавшийся при младенческом сколиозе, ни детство, проведенное в чужой стране, ни равнодушие к политике и социальной жизни.

На определенных этапах развития романа А. Иличевский превращает его в «познание Хашема»: читатель наблюдает за личностью, безусловно интересной, но не способной выразить себя до конца. В любом случае, возвышение Хашема через восприятие и речь Ильи Дубнова – вполне ясная для автора задача. У него «скульптурная фигура пловца» (при наличии горба!) [3, 218]. «Он природу, науку знает, он поэт, он Бог» [3, 219]. Хашем – Учитель. Также он – переводчик и исследователь американской поэзии (единственный на весь Азербайджан), выпускник биофака, трижды поступавший в театральный вуз и успешно актерствовавший в подростковом возрасте.

Хашем – самостоятельный герой, но, думается, он важен автору и как удачный рупор для оглашения тех идей А. Иличевского, которые касаются перспектив развития религии. Кратко рассмотрим этот «символ веры», который в других романах А. Иличевского присутствует неочевидно.

Хашем не верит в «примитивного Бога», вера в которого «хуже безверия», а «отсутствие страха придавало его характеру долю идиотизма» [3, 265]. Герой – сторонник непрекращающегося откровения: Бог говорит с человеком посредством истории. Хашем устраивал внеконфессиональные радения среди егерей, преподавал им русский язык с помощью поэзии Хлебникова. Более того, он сам, как считает Илья Дубнов, «был одушевленным памятником Хлебникову» [3, 376].

Герой критиковал все религии, искал Бога конкретно в человеке, считая, что в нынешних религиях нет диалога с Богом, а эпоха пророков прекратилась. Хашем избличал имперскую сущность религий, оставаясь сторонником и цивилизации, и народной самобытности. Священное отношение к языку обязательно, как и к поэтам – авторам нового священного писания. Хашем ждет мессию, который будет ученым, возможно, биологом, и сумеет организовать институт для воскрешения мертвых.

Вера без сомнения пуста. Богу нужен разговор. Хашем желает найти рай, который и есть земная жизнь, при этом ад объявляется несуществующим. Бесконечного наказания быть не должно, для страшных преступников – полное уничтожение. Привычка к смерти – безнравственность. Полной жизни без воскресения нет. Мессия будет ученым, но не будет представителем «пыльной теологии»: «Хватит взывать к Богу из ямы сокрушенности и рефлексии» [3, 443]. Свободный атеист выше сектанта. Религия должна уважать человека. Нельзя ждать апокалипсиса, он уже случился в 20 веке. Нужно, чтобы каждый стал Хлебниковым. Чтобы понять стихи Хлебникова, Хашем переписывает их прозой. Был у героя и период целительства. Религиозными старейшинами, представляющими одно из направлений ислама, герой был приговорен к анафеме как колдун-язычник. «Ему верили как ученому, верили как дервишу, верили как человеку, его прозвали Повелителем Птиц», – говорит Дубнов [3, 587]. Он же признается: «Я вдруг почувствовал себя беременным Хашемом, полным до краев его идеями, его страстью» [3, 591]. Хашем был зверски убит религиозными фанатиками.

«Разгадывать загадку Хашема обречен и читатель, ибо на вопрос, кто такой Хашем, существует множество ответов: биолог, поэт, просветитель, основатель фаланстера, глава секты, вероучитель, шарлатан, сумасшедший, дервиш, неудачник, гений, герой, мученик, пророк. Который из них верен? Или все неверны?», – спрашивает А. Латынина, подчеркивая сложную природу персонажа, которому автор уделяет так много романного места [4].

Особая проблема – использование Хашемом в деле трансформации религии жизни и творчества русского поэта В. Хлебникова. Он был «одушевленным памятником Хлебникову» [3, 376]. Хлебников в романе – идеальный анархист: отсутствие семьи, никаких связей с государством и официальной политикой, абсолютное служение собственному творчеству, готовность признать поэзию неформальной магией и религией, преобразующей мир через «взрыв» обыденности, быта, стандартных представлений о счастье. Задача Хлебникова – превратить весь мир в авангард, отождествить себя с Вселенной. «Совершенный Идиот с большой буквы», – говорят о нем современники [3, 454]. Вокруг Хашема (и в романах А. Иличевского, не только в «Персе») формируется «Апшеронский полк имени Хлебникова»: «полк работал и жил как единый человек» [3, 485].

«Отсюда – две ключевые идеи «Перса». Идея первая: человек должен стать живым словом. Почему? Потому что, по Иличевскому, «только став словом – можно вписать себя в книгу. Книга принимает в себя только живое». Идея вторая: поэт должен стать обожествленным воплощением Слова. Почему? Потому что предельная слитность в поэтическом творчестве плана выражения и плана содержания позволяет определить его как исток (первоначало) и, одновременно, как источник (неисчерпаемый ресурс) Языка», – в

этом рассуждении Ю. Щербининой возвышение поэзии [8]. Но поэзия должна быть вместе с наукой, а метафизика – с микробиологией и теоретической физикой. Тогда воскрешение мертвых, интересующее И. Иличевского во всех романах, становится ближе.

В авторскую концепцию человека удачно вписываются герои, представляющие Америку, где А. Иличевский долго жил и работал. Их позиция в тексте – друзья и спутники главных героев. В романе «Перс» много сказано о Керри – бывшем военном, оказавшемся в командировке вблизи Баку, куда и приезжает Илья Дубнов. Не понимающий национальных и религиозных раздоров, Керри приобрел задумчивость и философский настрой после смерти сестры, поразившей американца своей необратимостью. «Смерть надо побеждать каждый день» [3, 513], – говорит Керри, принимающий смерть в развитии «любовного сюжета», неосторожно связав свою судьбу с местной девочкой Гюзель. В романе «Математик» Максима Покровского сопровождает Барни – бывший наркоман, имевший русские корни, помешанный на казачестве и кино. Вместе они путешествуют по России и югу России, увлекаются киноискусством, отправляются на Тянь-Шань. «Незатейливость, с которой он подходил к жизни», – важная характеристика Барни [2, 109]. Она может быть отнесена и к Керри из романа «Перс».

«Женщины мне кажутся тайным спасательным отрядом, до поры до времени дремлющим, чтобы вдруг однажды оказать человечеству решающую помощь милосердия», – признается Илья Дубнов [3, 109]. После детального анализа трех романов мысль героя «Перса» мы подтвердить не можем. Женщины в изображении А. Иличевского холодны, болезненно эгоцентричны, подвержены в равной степени рационализму или энтропии, мужчину спасти не могут.

Жена Ильи Дубнова – немка Тереза, специалист по русской литературе. Она бросает мужа, не ценит его духовно-научного потенциала, препятствует общению с сыном, начинает жить с другим мужчиной, не выказывая никаких признаков раскаяния. В романе «Математик» жена Максима гречанка Нина какое-то время пытается спасти гениального мужа от алкоголизма, но потом уходит от него, также скрывая ребенка от отца. В окрестностях Сан-Франциско Максим встречает Вику – «порывистую, неврастеническую, то самовлюбленную, то кроткую, питерскую хиповую девицу» [2, 63]. «Он понял, что больше всего в жизни любит смотреть на нее. (...) Он все время стремился к ней – и не мог достичь», – сказано о медленно выздоравливающем Максиме, обретающем свою идею жизни [2;160, 162]. Вика, не любя Максима, уходит от него.

«Максим вырос в семье, где была нехватка любви», – сказано в «Математике» [2, 23]. Кризис любви – значительная тема всех анализируемых текстов. Романы «Перс», «Математик», «Перс» могут быть прочитаны как произведения, посвященные поиску замены

любви. Мать Максима, утратив мужа, уехавшего с новой семьей в Америку, начинает спиваться, вызывая отвращение даже у сына. «Это было необъяснимое ощущение – смотреть на гору, сознавать ее неприступность и величие и при этом думать о ней, как о пропащей матери – жалком, никчемном существе, которое вскормило его», – сообщает Максим, в финале возвращающийся к матери [2, 289-290].

Самое страшное явление ущербной женственности происходит в романе «Анархисты». «Личность ее не успела сложиться, была разрушена еще до того, как успела сформироваться. (...) Проблема Кати не столько нравственная, сколько биохимическая. (...) Женятся на людях здоровых», – констатирует врач Дубровин [32]. «Отравленная искусственным раем женщина. (...) Сам ко дну пойдешь. (...) Героиновые наркоманы не способны к ремиссии», – внушает Соломину Турчин [1; 36, 37, 59].

Катя, не способная быть женой, матерью, вести хозяйство или хранить верность, показана А. Иличевским как эпицентр болезненного влечения. Она зависима от героина, мужчины зависимы от нее. «Любовь Соломина к Кате выражалась главным образом в его половой одержимости ею...», – подчеркивает повествователь [1, 47]. Ближе к финалу испытывают вожделиние к обреченной женщине Турчин, даже отец Евмений. «Не было еще женщины, встреченной им в мире, чей облик так полно раскрывал для него образ Богоматери. Мучения его не всегда были чистыми...», – признается священник, и надо сказать, что в целостном мире романа эти слова логичными признать трудно [1, 389].

Полемизируя с философией женственности, высказанной героем романа «Перс», следует согласиться с позицией В. Пустовой: «Самое загадочное и самое раздражающее в прозе Иличевского – женские образы. Их смысловой ореол создает идея неживой красоты – застывшей, недвижимой, удобной для любования, как ландшафт. По сути, женская красота в этой прозе и есть вариация на тему ландшафта, в созерцании которого растворяется (сходит с ума, гибнет) герой» [7].

Анархизм – определяющая личностная концепция в романе, в котором не удастся спастись ни Кате, ни Соломину. Но в «Персе» и «Математике» анархизм также занимает значительные позиции. В анархизме – не разрушение, а четкое оформление автономных идей жизни, реализация творческого потенциала человека, не доверяющего слишком стабильным, тоталитарным идеям. В истинном анархизме происходит «сборное сочетание индивидуальностей, эффективных управленцев...» [1, 85]. «Его анархизм был скорее мечтой о Царстве Божием на земле», – сказано об одном из героев в «Анархистах» [1, 86].

«Человек в произведениях Александра Иличевского не существует сам по себе. Так и здесь, все фигуры вписаны в некий замечательный брейгелевский пейзаж: китайские эмигранты на туманных улицах Сан-Франциско, слепой старик в гостинице, полной зеркал,

два истребителя, парящие над ландшафтом обнаженного тела иранской проститутки. Персонажей нет – есть некая художественная композиция без действующих лиц, игра цвета и тени», – пишет В. Пасечник [6]. В статье, посвященной роману «Перс», данный критик выражается еще острее: «Создается впечатление, что люди совсем не интересуют автора и присутствуют в тексте на правах реквизита» [5].

С этой позицией трудно согласиться. В каждом романе А. Иличевского человек, ищущий путей преодоления смерти, – основная фигура повествования. Смерть – небытие, практическая бесчеловечность. Человек – основа и религии, и философии, и самого жизненного сюжета. Концепция человека в романах А. Иличевского лишена растворения личности в том или ином Абсолюте, будь то смерть или / и идея. Наоборот, романы посвящены становлению человека, способного соединить науку, религию, искусство в общем деле перемены участи ради глобального выживания.

Список литературы

1. Иличевский А. Анархисты: роман. М.: Астрель, 2012. 416 с.
2. Иличевский А. Математик: роман. М.: АСТ: Астрель, 2011. 315 с.
3. Иличевский А. Перс: роман. М.: АСТ: Астрель, 2010. 640 с.
4. Латынина А. Судьба пророка в XXI веке. О романе Александра Иличевского «Перс» // Новый Мир. 2010. № 10; http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/10/la13.html
5. Пасечник В. Границы разумного (Александр Иличевский. Перс. Роман. – М.: “АСТ”, 2010) // Урал. 2011. № 5; <http://magazines.russ.ru/ural/2011/5/pa18.html>
6. Пасечник В. Прикладная теология (Александр Иличевский. Математик. – АСТ, 2011).
7. Пустовая В. Крупицы тверди. Александр Иличевский // Вопросы литературы. 2010. № 4; <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/4/pu5.html>
8. Щербинина Ю. «Художественной правдой продолжать документальность». (Александр Иличевский. Перс. – М.: АСТ, Астрель, 2010. – 640 с.) // Волга. 2011. № 5-6; <http://magazines.russ.ru/volga/2011/5/sh14.html>

Рецензенты:

Татаринев А.В., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы и сравнительного культуроведения Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

Лучинская Е.Н., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой общего славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета, г. Краснодар.